

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ В МЕТАФОРАХ ДВУХ ДИСКУРСОВ

UNDERSTANDING OF CORRUPTION THROUGH METAPHORS IN TWO DIFFERENT DISCOURSES

А.Н. Баранов

*Институт русского языка РАН,
филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва*

baranov_anatoly@hotmail.com

Рассматриваются системы метафор двух дискурсов о коррупции: серии интервью с политиками и чиновниками федерального уровня и мелкими и средними предпринимателями. Выявление используемых метафорических моделей позволяет строить гипотезы об осмыслении коррупции на уровне коллективного языкового бессознательного.

Метафоры как коллективное «языковое бессознательное»

Один из важнейших тезисов когнитивной теории метафоры заключается в том, что метафора является не просто частью языка, а отражает специфические особенности мышления человека. Так, в процессе принятия решений метафора определяет круг альтернатив решения из проблемной ситуации, а также влияет на оценку этих альтернатив [Баранов 2004]. Иными словами, метафоры – это чисто когнитивный феномен, лишь частично отражающийся в языковых формах. На мышление человека влияют не только новые, креативные метафоры типа коррупция – это как по Ломоносову закон сохранения массы и энергии, но и конвенциональные, «стертые» метафоры, ср. выстраивать механизмы коррупции.

В рамках чисто лингвистических исследований этот тезис доказать не представляется возможным, поскольку это выходит за рамки задач лингвистики как науки. В его пользу говорят, однако, некоторые косвенные данные. Во-первых, в некоторых психотерапевтических практиках (например, в нейролингвистическом программировании) метафоры используются и как инструмент анализа состояния пациента, так и как средство воздействия на него [Гордон 1995].

Во-вторых, на справедливость этого тезиса указывает ряд экспериментов по исследованию частоты использования метафор в СМИ в периоды общественно-экономических и политических кризисов. Возрастание в кризисный период количества как новых, креативных, так и стертых, конвенциональных метафор указывает на это, что конвенциональные метафоры, даже если они не «оживляются» в тексте, то есть не осознаются носителем языка, отражают особенности его мышления и влияют на способы осмысления проблемной ситуации (см. подробнее [Баранов 2000; Баранов и др. 2004; Christ'l de Landtsheer 1991]).

Если тезис о влиянии метафор (и в первую очередь стертых, конвенциональных метафор) справедлив, то **структура метафор дискурса отражает «языковое бессознательное» членов социума**, то есть то, что по большей части не осознается человеком, но используется в процессе мышления. Именно так используются человеком различные шаблоны и стереотипы поведения в решении задач – проблематика, широко обсуждавшаяся в классической и современной когнитивной психологии.

История эксперимента

Данная публикация представляет собой вторую часть комплексного исследования коррупции, проводившегося фондом ИНДЕМ (под руководством Г.А. Сатарова) в 2002–2004 гг. Исследование включало в себя проведение двух серии глубинных интервью с экспертами по коррупции. В первой серии в качестве интервьюируемых выступали политики и чиновники федерального уровня, а во второй – предприниматели мелкого и среднего бизнеса. Лингвистическая часть исследования была связана с выявлением метафорических осмыслений коррупции.

Результаты анализа структуры метафор первой серии интервью показали, что коррупция осмысляется интервьюируемыми первой серии интервью как органическая, естественная часть общественной жизни. На поверхностном уровне, на уровне пропозиций (утверждений) текстов конфликт провозглашается, участники дискуссии о коррупции высказывают в явном виде свое отрицательное отношение к этому явлению. Однако языковые, точнее метафорические, способы категоризации коррупции свидетельствуют о том, что на уровне «коллективного бессознательного» конфликта нет. Это проявилось в преобладании ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор

в осмыслении этого феномена, то есть в категоризации коррупции как РАСТЕНИЯ-ДРЕВА, ПОЧВЫ, БОЛЕЗНИ, ОРГАНИЗМА, КУЛЬТУРЫ-ТРАДИЦИИ и т.д. (см. подробнее [Баранов 2004б]).

Цель второй части исследования заключалась в выявлении структуры метафор при осмыслении понятия коррупции во второй серии интервью – с предпринимателями мелкого и среднего бизнеса. Кроме того, было проведено сравнение использовавшихся метафорических моделей в первой и второй серии.

Тексты диалогов первой серии интервью называются далее «Экспертный корпус 1», а тексты второй серии – «Экспертный корпус 2».

Состав метафорических моделей в Экспертном корпусе 2

В Экспертном корпусе 2 был выявлен 231 контекст использования метафор (или «метафороподобных» выражений) для осмысления коррупции. Контексты использования метафор были объединены в группы по 27 метафорическим моделям (М-моделям). Из них 18 моделей имеют частоту 5 вхождений и выше: ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ (31); ОГРАНИЧИТЕЛЬ (28); СИСТЕМА (28); СХЕМА (28); МЕХАНИЗМ (24); СВЕТ-ТЕНЬ (18); ПРОСТРАНСТВО (13); ПЕРСОНФИКАЦИЯ (12); ПРЕСТУПНЫЙ МИР (11) и другие.

Конstellации метафорических моделей в осмыслении коррупции

Конstellациями называются такие множества М-моделей, которые профилируют в текстах конкретной проблемной области общие или близкие смыслы. В дискурсе о коррупции, выделяется конstellация М-моделей РАЦИОНАЛЬНОГО, профилирующие смыслы типа 'активное воздействие' (ПЕРСОНФИКАЦИЯ), 'инструментальность/рациональность' (СХЕМА; МЕХАНИЗМ; ИГРА), 'последовательность действий' (ПРОСТРАНСТВО/ДВИЖЕНИЕ). Использование М-моделей конstellации РАЦИОНАЛЬНОГО по отношению к коррупции позволяют осмыслять ее как часть рационального поведения человека. Это вполне объяснимо, если учесть, что бизнес является сферой высокорационального поведения, жестко мотивированного получением прибыли. Общая частота использования метафор конstellации РАЦИОНАЛЬНОГО складывается из частоты употребления метафор СХЕМЫ - 28, МЕХАНИЗМА – 24, ИГРЫ – 9; ПРОСТРАНСТВА/ДВИЖЕНИЯ - 13. К метафорам конstellации РАЦИОНАЛЬНОГО относятся также некоторые употребления метафоры СИСТЕМЫ. Всего – 13 случаев профилирования, что составляет 35 % от всех случаев профилирования (от 37). Поскольку единицей статистического подсчета выбран контекст, а в одном контексте может профилироваться несколько смыслов (ср. в 28 контекстах профилируется 37 смыслов), то 10 контекстов употребления М-модели СИСТЕМА относятся к реализациям конstellации метафор РАЦИОНАЛЬНОГО. Кроме того, к конstellации метафор РАЦИОНАЛЬНОГО примыкает также метафора ТЕХНОЛОГИИ (2). Тем самым, общее количество употреблений – 28 (СХЕМА) + 24 (МЕХАНИЗМ) + 10 (СИСТЕМА) + 7 (ИГРА) + 2 (ТЕХНОЛОГИИ) = 71.

Конstellация метафор КОНФЛИКТА, профилирующая идеи конфликта, противоборства, противостояния и т.п., представлена в исследованном Экспертном корпусе М-моделями ВОЙНЫ и, как это ни удивительно, СТРОЕНИЯ (профилируется идея 'защиты'). Тем самым, общее количество употреблений метафор конstellации КОНФЛИКТА – 9 (ВОЙНА – 6; СТРОЕНИЕ/КРЫША – 3).

М-модель ОГРАНИЧИТЕЛЯ по ряду причин следует рассмотреть как особую конstellацию. Смысл ограничения профилируется в Экспертном корпусе 2 и М-моделью СИСТЕМА – 15 контекстов. Следовательно, общее количество метафор это объединенной конstellации - 43 (собственно метафора ОГРАНИЧИТЕЛЯ – 28 и метафора СИСТЕМЫ – 15).

Конstellация ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор представлена М-моделями ПРИРОДА, ЖИДКОСТЬ, СИСТЕМА; ВЕЩЕСТВО. В рассматриваемом случае типичными профилируемыми смыслами оказались идеи естественности, нормы, органичности, связи, взаимозависимости. К типичным смыслам данной конstellации следует отнести контексты профилирования М-моделью СИСТЕМЫ идеи взаимозависимости (7 примеров). К ОРГАНИСТИЧЕСКИМ метафорам примыкает метафора ЦЕПОЧКИ (2), метафора КУЛЬТУРЫ (4), метафора ЗВЕНА (1), метафора ПАУТИНЫ (1), метафора СВЯЗКИ (1). Общее количество употреблений ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор - 37 (ПРИРОДА - 8, ЖИДКОСТЬ - 8, СИСТЕМА - 7; ВЕЩЕСТВО – 6; КУЛЬТУРА – 4; ЦЕПОЧКА – 2; ЗВЕНО – 1; ПАУТИНА - 1).

Конstellация М-моделей НЕРЕАЛЬНОГО практически отсутствует – обнаружено только два примера использования метафоры ИГРЫ. Количественное распределение выделенных конstellаций можно обобщить следующим образом:

- конstellация метафор РАЦИОНАЛЬНОГО 71;
- конstellация метафор ОГРАНИЧИТЕЛЯ 43;
- конstellация ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор 37;
- конstellация метафор КОНФЛИКТА 9;
- конstellация метафор НЕРЕАЛЬНОГО 2.

Из приведенных результатов хорошо видно, что преобладают метафоры РАЦИОНАЛЬНОГО, позволяющие взаимодействовать с осмысляемой сущностью, как с чем-то, что может быть включено в рациональное поведение, как с тем, что поддается решению. Такая интерпретация феномена коррупции вполне понятна: поскольку участники второй серии интервью – это мелкие и средние предприниматели, им постоянно

приходится сталкиваться с коррупционными явлениями в чисто практическом плане. Выживание их бизнеса оказывается для них не теоретической, а чисто практической проблемой.

«Рационализация» отношения к коррупционным отношениям в рассмотренном материале совершенно не противоречит и, более того, согласуется с их восприятием как неизбежности, свойственной российскому обществу и политической системе. На это указывает широкое использование ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор. В концептуальном поле ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор коррупция предстает как природное явление, которое вряд ли можно осмыслить как «зло», ср. *Интервьюер*: *Во всяком случае, что толкает, принуждает вас идти на коррупцию?* *Интервьюируемый*: *Не на коррупцию, а на «смазывание» этих дел?* В последнем примере интервьюируемый не готов считать взятку злом, более того, он не считает ее коррупцией.

Второе место по частоте занимает объединенная конstellляция ОГРАНИЧИТЕЛЯ. Профилируемая сфера смысла этой конstellляции – ограничение в самых различных пониманиях.

Четвертое место занимают метафоры КОНФЛИКТА. Наличие метафор данного типа позволяет говорить о ментальном неприятии этого феномена. Однако даже эти девять метафор неоднородны: в трех из них (метафора КРЫШИ) человек занимает пассивную позицию. Лишь в шести из девяти метафор можно говорить об активной позиции человека, реализующейся в ВОЙНЕ/БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ, в восприятии коррупции как ПРОТИВНИКА/ВРАГА. Иными словами, когнитивный конфликт налицо, однако человек осмысляется в нем как пассивная сторона.

Конstellляция метафор НЕРЕАЛЬНОГО не играет ощутимой роли в дискурсе о коррупции.

Общий вывод очевиден: с точки зрения использования метафор, в той или иной степени отражающих «коллективное бессознательное» участников дискурса, коррупция осмысляется представителями бизнес-сообщества как рациональная сущность, к которой можно применять рациональные способы поведения и оптимизировать ее издержки. Одновременно коррупция ощущается как реальная проблема, осложняющая ведение и развитие бизнеса.

В то же время частое использование ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор говорит о серьезном влиянии, которое имеет неконфликтное видение коррупции, имеющее значимые культурные и исторические корни. И на уровне мелкого, и среднего бизнеса коррупция часто ощущается и воспринимается как естественная часть поведения членов социума.

Конstellляции метафор Экспертных корпусов 1 и 2 в сопоставлении

На первом этапе исследования дискурса о коррупции проводился анализ использования метафорических моделей в Экспертном корпусе 1, состоявшем из серии глубинных интервью с экспертами в области коррупции федерального уровня [Баранов 2004б]. Второй экспертный корпус представляет существенно иной уровень восприятия коррупции – более низкий, характеризующий представителей мелкого и среднего бизнеса. Сравнение особенностей восприятия этих социальных страт представляет несомненный интерес.

В Экспертном корпусе 1 конstellляция метафор РАЦИОНАЛЬНОГО реализуется в М-моделях СИСТЕМЫ (67), СЕТИ (45), МЕХАНИЗМА (21), СТРОЕНИЯ (17), СХЕМЫ (10), ИГРЫ (6). Очевидно, что не все случаи использования метафоры СИСТЕМЫ и метафоры СЕТИ относятся к данной конstellляции. В Экспертном корпусе 1 метафора СИСТЕМЫ профилирует следующие смыслы: сложное целое – 33¹; упорядоченность – 17; большое количество – 11; ограничение – 11; взаимозависимость – 8; закрытость целого – 4; всепроникновение – 3; устойчивость целого – 4.

К конstellляции метафор РАЦИОНАЛЬНОГО можно отнести случаи профилирования семантики сложного целого (33), упорядоченности (17), большого количества (11), устойчивости целого (4), то есть 65 случаев профилирования смыслов. Получается порядка 70 процентов профилирования смыслов, характерных для конstellляции метафор РАЦИОНАЛЬНОГО, или 47 примеров.

Аналогично М-модель СЕТИ, будучи почти такой же абстрактной категорией, как и метафора СИСТЕМЫ, не вся попадает в конstellляцию метафор РАЦИОНАЛЬНОГО. Эта модель в исследуемом корпусе коммуникативно высвечивает следующие смыслы: сложное целое – 18; взаимозависимость – 18; упорядоченность – 5; ограничение – 4; большое количество – 3; всепроникновение – 2; закрытость целого – 1; устойчивость целого – 1.

К смыслу сферы РАЦИОНАЛЬНОГО можно отнести, соответственно, сложное целое (18), упорядоченность (5), большое количество (3), устойчивость целого (1), то есть 27 случаев профилирования, что составляет порядка 52 процентов от всех случаев профилирования. Тем самым к контекстам профилирования семантики рационального данной М-модели можно отнести 23 примера из 45. Общее количество употреблений метафор конstellляции РАЦИОНАЛЬНОГО таково: 47 (СИСТЕМА) + 23 (СЕТЬ), 21 (МЕХАНИЗМ), 17 (СТРОЕНИЕ), 10 (СХЕМА), 6 (ИГРА) = 114.

¹ Общая сумма профилируемых смыслов превышает количество контекстов, поскольку в одном контексте может коммуникативно высвечиваться несколько смыслов.

Выделяется также объединенная констелляция ОГРАНИЧИТЕЛЯ, в которую входят собственно М-модель ОГРАНИЧИТЕЛЯ (14), контексты профилирования идеи ограничения М-моделью СИСТЕМЫ (11) и М-моделью СЕТИ (4), всего – 29 употреблений.

Констелляция ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор реализуется в рассматриваемом случае в метафорах ЖИДКОСТИ (43), БОЛЕЗНИ (30), РАСТЕНИЕ-ДЕРЕВО (26), ОРГАНИЗМ (16), КУЛЬТУРА/ТРАДИЦИЯ (13), ПРИРОДА (9), ВЕЩЕСТВО (8). К констелляции ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор относится также 40 примеров употребления метафор СИСТЕМЫ и СЕТИ, в которых профилируется семантика 'всепроникновения, большого количества и взаимосвязанности'. В целом абсолютная частота употребления метафор констелляции ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор достигает 185.

Констелляции метафор КОНФЛИКТА и НЕРЕАЛЬНОГО в Экспертном корпусе 1 отсутствуют.

Относительную частоту употребления констелляций можно вычислить как отношение частоты употребления метафор данной констелляции к общему количеству употребления метафор в корпусе. Для Экспертного корпуса 1 получаем следующее:

- Констелляция ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор 0,417607223;
- Констелляция метафор РАЦИОНАЛЬНОГО 0,257336343;
- (Объединенная) констелляция ОГРАНИЧИТЕЛЯ 0,065462754.

Соответственно, относительные частоты констелляций Экспертного корпуса 2 выглядят следующим образом:

- Констелляция метафор РАЦИОНАЛЬНОГО 0,307359307
- (Объединенная) констелляция ОГРАНИЧИТЕЛЯ 0,186147186;
- Констелляция ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор 0,16017316;
- Констелляция метафор КОНФЛИКТА 0,038961039;
- Констелляция метафор НЕРЕАЛЬНОГО 0,008658009.

Сравнение М-моделей показывает, что «языковое бессознательное» обеих референтных групп неодинаково в восприятии коррупционных ситуаций. Это, разумеется, отражает жизненный опыт опрошенных экспертов.

Высокая частота употребления ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор политиками и чиновниками федерального уровня говорит о том, что при явно выражаемом неприятии этого социального зла, открытых призывов к борьбе с ним (такова внешняя, пропозициональная форма текстов интервью), коррупция в сфере языкового бессознательного предстает как органичная часть менталитета российского общества. Метафоры констелляции РАЦИОНАЛЬНОГО существенно отстают от ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор - 0,4176 против 0,257. Разумеется, это не случайно, преобладающая тенденция очевидна и рациональное подавляется культурными мифологемами и историей российского общества. Низкая частота объединенной констелляции ОГРАНИЧИТЕЛЯ и отсутствие констелляции метафор КОНФЛИКТА, весьма частотной для российского политического дискурса (по разным данным – второе-третье места по употребительности), прямо говорит о том, что на уровне языкового бессознательного когнитивного конфликта с феноменом коррупции у этой референтной группы нет.

Причины этого многообразны. Одна из них – культура русской общины, ориентированной на равенство, на ценности правды и справедливости. Правда с очевидностью противопоставлена истине как жизнь противопоставлена сфере идеального. Отсюда возможность сказать *правда жизни* при очевидной стилистической «неуклюжести» словосочетания *истина жизни*. Истина – это идеал, истина одна, а правд может быть много, у каждого, как известно, свое правда. Истина достижима в научном исследовании, в суде, а правда – нет. Справедливость понимается в российском обществе как распределения ресурса, а не как соответствие закону (см. подробнее [Баранов 1991; Ваганов 1998]). Действительно, если справедливость и правда никак не связываются с законом, то коррупционные действия, преследующие достижение некоторой практической цели, вполне могут соответствовать и правде, и справедливости. Конечно, это только *одна из правд* о коррупции – автономное употребление слова *правда* в этом тезисе вполне уместно.

Именно в этом культурное основание скрытой толерантности к явным и неявным нарушениям закона в коррупционной деятельности. Эта снисходительность проявляется в поведении практически каждого жителя России – от взаимодействия с пьяным слесарем, до широко распространенной технологии «отката» чиновникам. Отметим, что отсутствие серьезного когнитивного конфликта, проявляющегося на уровне метафор, касается не только речевой практики данной группы интервьюируемых, но и письменной речи СМИ. Аналогичные выводы можно сделать о структуре метафор фонового корпуса, отражающего дискурс современных российских газет и журналов (см. подробнее Баранов 2004б), а, следовательно, и когнитивные установки значительной части интеллигенции.

В существенно иной ситуации живут и действуют участники второй серии интервью. Выживание мелкого и среднего бизнеса требует конкретных практических схем, алгоритмов взаимодействия с властью, экономическими субъектами в коррупционных ситуациях. На уровне «языкового бессознательного» это проявляется в существенном преобладании констелляции метафор РАЦИОНАЛЬНОГО. Использование метафор такого типа позволяет осмыслять коррупцию как часть целенаправленного поведения, как компонент процесса принятия решений. Без «рационализации» своего поведения в сфере коррупции даже относительно нормальное ведение бизнеса не представляется возможным. Необходимость требует от предпринимателей разработки

схемы, алгоритма поведения в коррупционных отношениях, ср. характерный пример: *А так, ну, конечно, бывает кому-то машину покупают, просто оформляют на того человека. Кому-то дом строят, кому-то куда-то стройматериалы завозят. Совершенно все схемы разные. Кого-то соучредителем в компанию берет. Есть просто деньгами... в такую-то фирму платят деньгами.*

В то же время коррупция осмысливается как существенная проблема – отсюда частое употребление метафор объединенной констелляции ОГРАНИЧИТЕЛЯ. Интересно, что осмысление коррупции в метафоре ОГРАНИЧИТЕЛЯ приводит к тому, что в проблемной ситуации человек очень часто играет пассивную роль, ср. *пресс чиновников, пресс [коррупции] давит; коррупция давит сверху*. Пассивность, разумеется, существенно ограничивает активное поведение. Метафоры ОГРАНИЧИТЕЛЯ в первом Экспертном корпусе существенно ниже по частоте. Это также говорит об относительно низкой конфликтности этого феномена в «языковом бессознательном» интервьюируемых первой серии интервью – политиков и чиновников федерального уровня.

На фоне констелляции метафор РАЦИОНАЛЬНОГО и объединенной констелляции ОГРАНИЧИТЕЛЯ третье место, занимаемое ОРГАНИСТИЧЕСКИМИ метафорами, может показаться неожиданным. Между тем, это вполне понятно, если знать результаты анализа метафорики первого Экспертного корпуса и фонового корпуса: отдельные части общей картины превращаются в единое целое. Относительное частое употребление ОРГАНИСТИЧЕСКИХ метафор – это когнитивное давление социума, в котором коррупция воспринимается как естественная часть ментальности. Ментальность, разумеется, основывается на богатой истории и поддерживается ею.²

Наконец, следы когнитивного конфликта, связанного с феноменом коррупции, видны в девяти метафорах констелляции КОНФЛИКТА. В трех из этих метафор человек осмысливается как пассивная сторона конфликтного взаимодействия (метафора КРЫШИ). Заметим, что в первом Экспертном корпусе метафоры конфликта отсутствовали вообще.

Констелляция метафор НЕРЕАЛЬНОГО существенной роли ни в дискурсе первого, ни в дискурсе второго Экспертного корпуса не играет.

Заключение

Взгляд на коррупцию через призму метафор, конечно, не доказательство в математическом смысле (как и многое в гуманитарных, «не-естественных» науках). Скорее, это эвристика или комплекс эвристик (в смысле Шрейдера [Шрейдер 1976]). фиксированных в «языковом бессознательном» и проявляющихся на уровне речевого поведения. Выявленные структуры метафор отражают два различных способа языковой категоризации коррупции, однако, по сути, они составляют части единого понимания, в котором органистическое осмысление коррупции оказывается основой, фоном и общей характеристикой всего общества, а отдельные социальные страты в состоянии «нарисовать» на этом фоне свою фигуру.

Список литературы:

- Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // *Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем*, М., 2004а.
- Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции // *Общественные науки и современность*, РАН. 2004б, № 2. С. 70-79.
- Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // *Linguistic Change in Europe 1990-2000 / ed. by L. Zybatow. Wien, 2000.*
- Баранов А.Н. Свобода справедливости или справедливость свободы? // *Знание-сила*, 1991. № 5.
- Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004.
- Гордон Д. Терапевтические метафоры. Спб, 1995.
- Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы // *Системные исследования*, 1975. М., 1976. С. 149-177.
- Baranov A.N. Justice, Equality and Freedom: The Structure of Value Concepts // P.A. Chilton, M.V. Plyn, J.L. Mey (eds.) *Political Discourse in Transition in Europe 1989-1991*, Amsterdam/Philadelphia, 1998.
- Christ'l de Landtsheer. Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // *Communication and cognition*, 1991, Vol. 24, № 3/4. P. 299-342.

² К сожалению, жанр данной публикации не позволяют подробно обсуждать историю российской коррупции. Но трудно удержаться от упоминания, хотя бы и в сноске, известной истории с разворыванием средств на строительство Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве, по поводу чего Н.И. Карамзин высказался исчерпывающим образом: «Что нового в России? Воруют». Постулат классика непоколебим.